

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ТРИ ДНЯ ВЪ ПУТИ ОТЪ СУЭСА ДО КАИРА.

—
27, Воскресенье.

Когда солнце появилось изъ-за Синайскихъ горъ; поѣздъ мой двинулся съ поморія Суэскаго. Я мысленно осѣнилъ всю дорогу знаменіемъ крестнымъ, и усѣвшись на эджинѣ, началъ пѣть тихо: Величитъ душа моя господя и возрадовася духъ мой о божѣ спасѣ моемъ. Подлѣ разрушенной церквицы у Кольсумскаго холма, надъ головою моею пролетѣла стая синайскихъ крастелей. Всѣ они ворковали. Имъ отвѣчали два крастеля въ клѣткѣ, которыхъ проводники мои взяли въ Каиръ по заказу одного семейства. Эта красивая птица походитъ на голубя, но не много больше его. Перышки у ней — алыя, зрачки глазъ съ красными ободочками, клювъ и ножки такъ же красныя. Такая цвѣтность дана ей

Творцомъ подстать цвѣту Синайскихъ горъ, и потому трудно примѣтить ее тамъ, и еще труднѣе подстрѣлить, когда она торопко бѣгаетъ между обломками багрянаго гранита. Бедуины ловятъ живыхъ крастелей сѣтями, приманивая ихъ пшеничнымъ зерномъ. Говорятъ, что благовонное мясо ихъ весьма вкусно.

Приближаясь къ Аджруду, я рѣшился осмотрѣть это зданіе, и съ переводчикомъ своротилъ къ нему съ торной дороги вправо. А караванъ мой пошелъ своимъ путемъ, но медленно, по моему наказу. Аджрудъ, въ Еврейской Библии Фихахиротъ, въ переводѣ седмидесяти толковниковъ придворіе, у Плинія Харáндра, Аджрудъ, въ которомъ благовѣрный царь Іустиніанъ I построилъ церковь во имя святаго Аѳанасія великаго, есть не городище, не слобода, не село, не деревня, не монастырь, не крѣпость, не сторожевая башня, не домъ заѣзжій. Что же такое? Это — небольшой дворъ, обнесенный высокою каменною оградою въ видѣ четверосторонника, въ которомъ находятся колодець съ соленоватою водою и пріютъ для Арабовъ, черпающихъ эту воду для поклонниковъ магометова гроба. Подлѣ колодца устроены изъ камней приземистый ставокъ. Изъ него наливаютъ воду въ кожаные мѣхи путниковъ. Тутъ стоитъ обломокъ колонны съ наглавіемъ въ Византійскомъ вкусѣ, — единственный остатокъ церкви, построенной при Іустиніанѣ.

На прежнемъ пути отъ Аджруда я припоминалъ ученіе и житіе святаго Аѳанасія великаго. По закону сочетанія понятій, который разнообразитъ наше мышленіе тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ внезапно бываетъ дѣйствіе его, въ памяти моей отозвались слова ученаго Фаранскаго аввы Козмы, сказанныя аввѣ Василию: «когда ты прочтешь какое-либо слово святаго Аѳанасія и не будешь имѣть бумаги при себѣ, то запиши его на своей одеждѣ.» *) Сіи послѣднія слова, по разширительной силѣ того же закона, вызвали воспоминанія о древнѣйшемъ обычаѣ писать на одеждахъ. Плиній въ своей натуральной исторіи (Lib. III, с. 22) замѣтилъ, что Парѳяне ткали одежды съ письменами (vestibus litteras intexere), а Фригійцы расписывали ихъ. Нѣкто Томазини въ сочиненіи своемъ о Петраркѣ (in Petrarca redivivo с. 23) упомянулъ, что когда сей поэтъ прогуливался одинъ, то обыкновенно записывалъ на одеждѣ своей вдохновенныя мысли творческой души своей. Въ православной церквѣ съ древнѣйшихъ временъ епископы пишутъ, что должно, на шелковыхъ и полотняныхъ антимирахъ, а восточные христіане на саванахъ. Отъ такихъ воспоминаній родилось во мнѣ желаніе, что бы кто-нибудь изъ Рускихъ выдумалъ такую хитрохудожную ткань для путешественниковъ, которая служила бы имъ и одеждою и запис-

*) Иоан. Мосха Лугъ дух. гл. 39.

ною скрижалю, такъ что бы можно было чертить на ней карты мѣстностей, и отмѣчать путевыя впечатлѣнія и время ихъ. Такой скрижали уже не потеряешь въ пути.

28, Понедѣльникъ.

Другой день другія размышленія. Проходя во второй разъ Ел-Мыгрехскую пустыню, гдѣ нечего видѣть, я въ себѣ самомъ искалъ предметовъ для созерцанія. Духовному воззрѣнію моему представились тридцать степеней христіанскаго благодѣланія, указанные и объясненные преподобнымъ Іоанномъ Лѣствичникомъ, какъ то: 1) отреченіе отъ міра и суеть его, 2) вступленіе на путь узкій и прискорбный, 3) самопознаніе предъ лицемъ Бога и непрестанный помысль о Немъ, 4) послушаніе, 5) многопечительное покаяніе, 6) памятованіе о смерти, предохраняющее отъ новыхъ грѣховъ, 7) слезный надзоръ за сердцемъ, 8) негнѣвливость и кротость, 9) незлопамятность, 10) неосужденіе ближняго, 11) молчаніе, которое есть надзоръ за помыслами, вражда на вольность въ рѣчахъ, приращеніе вѣдѣнія, споспѣшникъ молитвы, 12) страхъ Господень, предохраняющій отъ лжи и лукавства, 13) мужественное одолѣніе унынія, 14) постъ, 15) непорочность и цѣломудріе, 16) умервщленіе сребролюбія, 17) нестяжательность, 18) опасеніе, какъ бы послѣ благодѣ-

лания не остаться при однихъ понятіяхъ о духовномъ совершенствѣ, 19) терпѣніе въ молитвѣ, 20) бдѣніе тѣлесное и духовное, 21) увѣренность въ всемогущество Спасителя и происходящія отъ нея мужество, благодущіе и радость въ искушеніяхъ и испытаніяхъ, 22) уклоненіе отъ тщеславія и самодовольства при умноженіи добродѣтелей, 23) борьба съ духовною гордостію, 24) простота и незлобіе, 25) смиреніе, 26) духовная разсудительность и божественное чувство въ чистой совѣсти, 27) обиліе молитвы, 28) ангельское дѣло — непрестанная умная молитва, 29) богоподобное безстрастіе, 30) союзъ вѣры, надежды и любви. — Христіанинъ, пріобрѣтшій всѣ эти совершенства послушаніемъ вседѣтельной благодати Духа святаго, казался мнѣ новымъ созданіемъ, малымъ чѣмъ умаленнымъ отъ ангела. Внутреній голосъ говорилъ мнѣ: «всѣ эти совершенства составляютъ существенно-истинное и вѣчное благо твое. Все же прочее есть призракъ, ложь и тлѣніе. Тотъ, кто возвращаетъ крѣпъ полевій и придаетъ ему цвѣтистый обликъ, напаяя его дождемъ и росой, Тотъ и въ тебѣ возсозидетъ образъ Свой и тебя возраститъ въ мѣру полноты Христовой. Ты же только жажди тока благодати Его всесовершительной.»

29, Вторникъ.

Сего дня предъ захожденіемъ солнца я благополучно прибылъ въ Каиръ и успокоился въ благолѣпной патриархіи.

Конченъ трудъ мой. Благодарю Бога, безопасно проведеннаго меня по стезямъ пустыннымъ, и пламенно молю Его, да поможетъ мнѣ пройти и тѣ тридцатныя стези, кои ведутъ въ царство небесное. *Не имамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.*

Конецъ.